

Белов Е.С.
Челябинск, Россия

МЕТАФОРИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье проанализированы зарубежные и отечественные высказывания по внешнеполитическим вопросам с использованием антропоморфной и концептуальной метафоры. Делается вывод о том, что метафора внешнеполитического дискурса – это способ создания и познания картины мира, сферы международных отношений. Политическая метафора оказывает влияние на образное восприятие государства как члена мирового сообщества и субъекта международных отношений.*

***Ключевые слова:** антропоморфная метафора, концептуальная метафора, политический дискурс, внешнеполитический дискурс.*

Belov E.S.
Chelyabinsk, Russia

METAPHORS OF FOREIGN POLICY DISCOURSE AS A SUBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

***Abstract.** The article presents analysis of foreign and Russian statements on the problems of foreign policy containing anthropomorphic and conceptual metaphors. Metaphor of the discourse of foreign policy is a means of creation and cognition of the world and the sphere of international relations. Political metaphor influences perception of a state as a member of world community and subject of international relations.*

***Key words:** anthropomorphic metaphor; conceptual metaphor; political discourse; foreign-policy discourse.*

Глобальные процессы, происходящие в обществе, неизбежно приводят к расширению контактов и связей членов мирового сообщества. Одной из наиболее сложных схем взаимодействия в современном мире являются международные отношения.

Такие характеристики политической коммуникации, как институциональность и личностный характер находят отражение в

той части политического дискурса, которая содержит или является контекстом для высказываний, иллюстрирующих представления СМИ или официальных лиц о международных отношениях. Именно этот сегмент политической коммуникации, называемый внешнеполитическим дискурсом, мы помещаем в фокус нашего исследования.

В отличие от внутривнутриполитического дискурса, охватывающего политическую жизнь в рамках государственных границ той или иной страны, не принимающего во внимание коммуникативные процессы, происходящие во внешней политической среде, внешнеполитический дискурс страны представляет совокупность коммуникативных событий, посвященных внешнеполитическим проблемам, отношениям с другими государствами, процессам, привлекающим страны к взаимодействию, сотрудничеству, конкуренции и т.д. ради достижения национальных интересов. Таким образом, под внешнеполитическим дискурсом мы понимаем часть общего политического дискурса страны, которая посвящена области внешней политики.

Данный сегмент политического дискурса привлекает внимание исследователей из различных научных областей: лингвистики, политологии, психолингвистики, когнитологии. При этом учитываются достижения теорий дискурса и метафорического моделирования. Усиление интереса к внешней политике и ее языковым проявлениям в публикациях СМИ и высказываниях различных политических деятелей было продиктовано активизацией текущих глобализационных и интеграционных процессов, усиливших роли государств и важность сотрудничества в современном мире в силу существующей взаимозависимости и необходимости осуществления контактов между государствами.

Важными являются выводы исследователей стереотипного восприятия стран друг другом, а также результаты анализа средств создания образа страны. Так, например, в работе Бойко М.А., посвященной функциональному анализу средств создания образа страны, государство рассматривается как коллективный политический субъект, достигается цель по выявлению и комплексному описанию средств и способов реализации дискурсивных стратегий адресанта при конструировании/поддержании образа страны в современных средствах массовой коммуникации. В результате проведенного анализа исследователь приходит к выводу, что авторы статей о США и России используют технику смещения фокусов внимания аудитории путем «выпячивания»

одних фактов и событий и одновременного замалчивания других. Так, например, в журнале «Spiegel» Россия представлена, прежде всего, с позиции внутренних проблем, в то время как при описании Соединённых Штатов приоритетными являются события внешнеполитической сферы [Бойко, 2006: 13].

Автор указанного исследования выявляет факты реализации дискурсивных стратегий пейоризации/мелиоризации образа государства на страницах немецкого журнала Spiegel, результатом чего является профилирование информации, осуществляемое адресантом (автором публикации и/или редакцией журнала). Несмотря на то что в работе М.А. Бойко не было установлено четкой зависимости использования тех или иных стилистических средств от тематики сообщений, представляемой в статьях, и от стремления адресанта добиться строго определенного эффекта, проведенное исследование позволило заключить, что для повышения стилистической выразительности заголовков, немецкие журналисты чаще всего используют различные риторические средства, самым продуктивным среди которых является метафорический перенос, наиболее активно используемый в рубрике «Ausland».

Многочисленные издания СМИ уделяют особое внимание области внешней политики, публикуют статьи, затрагивающие вопросы взаимоотношений стран друг с другом, анализируют существующий миропорядок и динамику его изменения. При этом язык СМИ проявляет высокую степень метафоричности. Как отмечает Т.Г. Скребцова, даже беглый обзор публикаций выявляет большое разнообразие метафор, используемых для структурирования области внешней политики [Скребцова 2002: 2].

Анализ существующих на сегодняшний день научных публикаций показал, что вопросы о роли метафоры в публикациях СМИ и прочих речевых практиках, посвященных внешней политике и международным отношениям, гораздо активнее разрабатываются зарубежными, нежели отечественными исследователями-лингвистами.

Исследование Т.Г. Скребцовой, посвященное анализу метафор современного российского внешнеполитического дискурса, выявляет доминантность «центральной», повсеместно встречающейся метафоры «Государство как человек», в соответствии с которой государствам приписываются определенные,

присущие людям, черты характера и манеры поведения в отношениях между собой.

Идея антропоморфного характера процесса концептуализации международных отношений подтверждается многочисленными примерами, из которых следует, что отношения между государствами строятся по различным моделям социальных взаимоотношений: друзья, соседи, родственники (братья, сестры, супруги), враги, партнеры и т. д.

Следует отметить, что в вышеуказанном исследовании, в соответствии с принципиальным положением теории концептуальной метафоры, рассмотрению подверглись не только и не столько так называемые «живые» метафоры (т. е. языковые выражения, намеренно и осознанно использованные для создания образного эффекта и воспринимаемые читателем в качестве таковых), сколько неосознаваемые, «стертые» метафоры, так как, по мнению автора исследования, именно эти последние отражают конвенционально закрепленные способы языковой концептуализации мира, в данном случае – области международных отношений [Скребцова 2002: 1].

Важным следствием работы Т.Г. Скребцовой является вывод о внутренней упорядоченности и когерентности перцептивных и пространственных метафор, используемых для концептуализации человеческих отношений. Развивая идею центрального положения антропоморфной метафоры в концептуализации внешнеполитической деятельности, исследователь доказывает тезис о том, что международные отношения концептуализируются через категории пространства и понятия, непосредственно связанные с перцептивным опытом человека. Согласно одному из центральных догматов когнитологии, перцептивный и моторный опыт первичен для человеческого сознания и играет огромную роль в осмыслении человеком мира в целом, осуществляя концептуализацию нематериального в терминах привычного физического взаимодействия. Поэтому неудивительно, что человеческие взаимоотношения традиционно описываются с помощью таких оппозиций, как: *близкий – далекий, теплый – холодный, открытый – закрытый, жесткий / твердый – гибкий / мягкий, резкий – мягкий*, а также понятий *острый (конфликт), тесный (связи), натянутый, напряженный, прозрачный (отношения)* и т. д. Использование данных категорий для представления особенностей человеческих взаимоотношений является не чем

иным, как концептуальной метафорой, так как соответствующие слова в своих первичных значениях обозначают определенные физические свойства предметов и особенности их пространственного расположения (постигаемые органами чувств) [там же: 3].

Таким образом, в своем исследовании Т.Г. Скребцова охватывает системы пространственных и перцептивных метафор, антропоморфную метафору, оставляя за рамками исследования многие другие, использующие в качестве сферы-источника такие области, как *спорт, танец, игра, время года* и др., указывая на то, что в отличие от рассмотренных моделей, они не являются регулярными и, кроме того, обладают яркой образностью, свидетельствующей о намеренности и осознанности авторского выбора.

Следует отметить, что большое внимание к сфере внешней политики уделяется со стороны ученых Северной Америки: США и Канады. Разработав Теорию концептуальной метафоры, Джордж Лакофф обратился к проблеме метафорического моделирования как важного стратегического инструмента, оказывающего влияние на внешнеполитические процессы и изложил свои идеи в работе «Метафора во внешней политике: значение метафорического моделирования» [Lakoff 1999].

Исследование выкристаллизовывает доминантные для американского политического дискурса метафоры, используемые для концептуализации отношений США с другими государствами. На примере публикаций СМИ Лакофф выделяет ведущие сценарии метафоризации и вытекающие из этих сценариев следствия. Среди наиболее распространенных метафор ученый выделяет метафору мирового сообщества (страны – люди - члены сообщества людей; территория государства – дом: *We don't want missiles in our backyards*). Международные отношения приравниваются к межличностным, в результате чего ближайшие страны «живут по соседству, в пригородах, соседних районах». Одни страны являют собой друзей или, по крайней мере, дружелюбно настроенных людей, другие предстают врагами или настроенными враждебно «негодьями» (*rogue states* – «государства-изгои», «экстремистские государства»), не соблюдающими нормы поведения и правила совместного проживания в обществе. Вооруженные силы (например, НАТО) играют роль

правоохранительных органов – «полиции». Международные торговые организации переосмысляются в терминах форм делового сотрудничества, в которых страны выступают в роли «деловых партнеров, торговых компаньонов» и пр.

И снова антропоморфная метафора становится отправной точкой для развития широкой сети сценариев и моделей, описывающих страны и отношения между ними. Из модели «Государство - человек» при помощи сферы-источника «личный интерес» следует метафора «Национального интереса». Здоровье человека проецируется на экономическое здоровье страны, военная мощь государства рассматривается в терминах физического состояния человеческого организма. Уровень промышленного развития государства метафорически соотносится с возрастом, зрелостью личности. С помощью данной метафоры, как пишет Лакофф, в политическом дискурсе США просматривается стремление делегитимировать право отстающих в экономическом развитии стран, называемых странами третьего мира и метафорически представляемых «детьми», вступать в спор с «взрослыми» странами и диктовать свои условия в рамках совещательных органов ООН.

Среди прочих выделенных Дж. Лакоффом метафор присутствуют: метафора Клаузевица, в рамках которой война рассматривается как «политика, проводимая другими средствами»; метафора рационального деятеля, (*rational actor model*), в рамках которой решение принимается единственным и рационально мыслящим лидером на основе присущего ему понимания национального интереса государства; метафора баланса сил, сферой-источником которой является физика, основной категорией – сила; а также метафорические модели «Война – это пожар» и «Путь к демократии».

Анализируя употребление указанных метафор в нарративах, посвященных войне в Персидском заливе и кризисе в Косово, Дж. Лакофф демонстрирует имплицитный характер дискурса СМИ, иллюстрируя высокую степень метафоричности языковых выражений, а также доказывает значимость метафорических систем для понимания внешнеполитических процессов и необходимость динамичного развития метафорических моделей в меняющихся дискурсивных условиях.

Среди представителей североамериканского направления в исследовании политической коммуникации следует отметить канадского политолога Уильяма М. Флэника из университета

Торонто. В своем исследовании «Метафорическое моделирование и внешняя политика» У. Флэник предпринимает попытку синтеза теории концептуальной метафоры с достижениями политологии, в частности с теорией международных отношений, аргументирует идею каузальности метафоры в процессах принятия политических решений и ее определяющей роли в политических преобразованиях. Ученый разбивает политический процесс на четыре стадии, образующие последовательный алгоритм:

- 1) определение повестки дня (agenda-setting)
- 2) метафорическое моделирование (metaphorical framing)
- 3) принятие решения (decision-making)
- 4) политическое преобразование (policy change) [Flanik 2008: 5].

Аргументация выдвинутых положений, касающихся роли метафоры в процессе обсуждения политических вопросов и принятия окончательного решения, осуществляется на примере обсуждений в СМИ проблемы противоракетной обороны (ПРО) США. Учитывая факт наличия большого количества противоречивых мнений по данному вопросу, У. Флэник именно метафоре приписывает высокий потенциал воздействия на картину мира адресата, говоря о способности метафоры высвечивать нужные (позитивные) и скрывать неуместные (негативные) адресату смыслы высказывания.

Базируя свое исследование на теории концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона, Флэник демонстрирует механизм взаимодействия понятий сфер-источников и понятий сфер-мишеней, указывая на то, что в результате метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся элементы сферы-источника (такие как КОНТЕЙНЕР, БАЛАНС, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ) структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень (с такими понятиями, как ГОСУДАРСТВО, БЕЗОПАСНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ), что и составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Большой интерес к внешнеполитическим процессам наблюдается среди российских политологов. Как пишут в своей книге Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хазинская, особенно важен международный имидж субъекта, складывающийся в странах, обладающих значительной силой, влиянием и возможностью интернационализации сформировавшегося в них имид-

жа данного субъекта [Баталов, Журавлева, Хазинская 2009: 23]. Это касается всех крупных стран, но в первую очередь, конечно, Соединенных Штатов Америки, которые во многом определяют характер и содержание имиджей других стран, государств, политических деятелей и т.п., получающих распространение на всем Западе, да и не только на Западе. Именно этим аргументируют актуальность и значимость своего исследования политологи Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хазинская, предпринявшие попытку *комплексного* анализа имиджа России, формировавшегося и трансформировавшегося в США со времени появления Российской Федерации на политической карте мира, прихода в Кремль Бориса Ельцина и до весны 2008 года, когда завершилось второе президентство Владимира Путина.

В центре внимания авторов – американские образы современного российского политического режима («от ущербной демократии» к «новому сталинизму»), внутренней политики («бессильный парламент», «слабые партии», «формальный федерализм»), экономических отношений и экономической политики государства («олигархический капитализм» на «нефтяной игле»), социальной политики («богатые и бедные в вымирающей стране»), современного россиянина («без Бога в душе», «без любви к свободе»), президента РФ («революционер» и «полковник» в московском Кремле), российской армии («бледная тень советского монстра»), роли России в обеспечении международной безопасности («враг» сдается, «угроза» остается), внешней политики страны («имперские амбиции» «региональной державы»).

Само заглавие работы – «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992 – 2007 гг.) основано на яркой анималистической метафоре и прецедентном высказывании «дикий Запад» и одновременно с этим является аллюзией к названиям статей американских политологов, специализирующихся на России: «Почему рычит медведь» Р. Пайпса и «Дикий, дикий Восток» Д. Саттера. Исследование носит интердисциплинарный характер, сочетая черты дискурсивного анализа и учитывая достижения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Авторы ставили перед собой четыре основные задачи. *Во-первых, исследовать и описать образы постсоветской России, сформировавшиеся в Америке, но получившие распространение далеко за пределами США. При этом они стреми-*

лись показать, как по мере трансформации российского общества и изменения политического курса руководства страны происходило изменение представлений американцев о России и как одни имиджи сменяли другие. Следует отметить, что термины «имидж» и «образ» используются авторами монографии как тождественные и взаимозаменяемые.

Во-вторых, исследовать механизмы формирования рассматриваемых образов. При этом особое внимание уделяется специфике американского общества, ментальности и политической культуре американцев, а также положению и роли Америки в современном мире.

В-третьих, выявить и объяснить причины, обуславливающие характер образов постсоветской России, складывающихся и сменяющих друг друга в Америке на протяжении последних семнадцати лет.

В-четвертых, рассмотреть возможные перспективы и пути эволюции американских образов современного российского общества [Баталов, Журавлева, Хазинская 2009: 16].

Исследователи отмечают, что на протяжении рассматриваемого исторического периода в публикациях американских авторов формировались и получали распространение разные имиджи России, но «ситуация складывалась всегда таким образом, что какие-то из них становились *периферийными*, а какие-то – *доминирующими* и оказывающими наибольшее влияние не только на общественное мнение, но и на государственных деятелей, представителей бизнеса и других лиц, формирующих политику США на российском направлении». Работа ясно показала, что зачастую американские образы России, с лингвистической точки зрения, носят ярко выраженный метафорический характер [Там же: 48].

Важным, на наш взгляд, является вывод ученых-политологов, перекликающийся с одним из постулатов когнитивной лингвистики, об аналоговом мышлении, что, по мнению авторов монографии, связано и с «леностью сознания, и с постоянно дающей о себе знать ограниченной способностью последнего проникнуть в глубину сложных объектов, и со стремлением представить мир, в том числе политический, как систему типологически однородных объектов, облегчающую построение алгоритма управления этим миром» [там же: 130]. Именно используя принцип аналогии, реципиент не использует каждый раз для понимания новые творческие способы, полагаясь на устойчивые

когнитивные структуры. Таким образом, для объяснения явлений политической жизни можно использовать определенные компоненты концептуальной области сферы-источника и, проецируя их на способ восприятия мира сферы-цели, создать у адресата определенный образ ситуации или явления. В дальнейшем, следуя принципу аналогии, адресат будет воспринимать подобную ситуацию заданным образом. Так создаются мифы и стереотипы, являющиеся полезными в одних ситуациях и вредными тогда, когда они не дают возможности неортодоксального подхода к проблемной ситуации.

По мнению авторов исследования, значительную роль в формировании представлений о постсоветской России сыграл образ «поверженного, если не мертвого льва (то бишь медведя), которого можно пнуть лишний раз, не опасаясь не только тяжелого ответного удара, но даже рыка» [там же: 127].

В оценках американских аналитических материалов зафиксированы три важных момента, свидетельствующих об изменении положения России в мире. Во-первых, она вновь заставила считаться с собой другие страны, включая членов «семерки», которая превратилась в «восьмерку», приняв Россию в свои ряды. Во-вторых, она вновь стала проводить активную и самостоятельную внешнюю политику. В-третьих, Россия пусть и медленнее, но «возвращает себе гордость и уверенность».

Авторы вышеупомянутого исследования не обходят стороной и лингвокультурологическую категорию «свой – чужой». Отмечается, что большую (и пока еще мало исследованную) роль в формировании мировой политики и международных отношений играют представления акторов (государств, организаций и других субъектов, действующих на международной арене) о самих себе и о других акторах. В первом случае авторы вводят термин *Я-концепция*, во втором – *образ* или *имидж Другого*. Тем не менее, ученые приходят к выводу, что сложные и динамичные отношения акторов, выступающих на международной арене, не могут быть втиснуты в узкие рамки бинаома «Друг - Враг», фиксирующего «высшую степень» разделения акторов. Подвижность подобных условных границ аргументируется тем, что *Чужой* – не обязательно *Враг*, но он по ту сторону «границы», он исповедует другие ценности, иную философию, у него другая «группа крови». Следует иметь в виду, что эти различия не носят тотального (всеохватывающего) характера: можно по отношению к *Другому* быть в чем-то его *Другом*, в чем-то просто

Своим и т.п. Не исключаются и иные идентификации: *Союзник*, *Соперник*, *Партнер* и т.п., но все они могут быть введены в рамки бинарных оппозиций.

В заключение политологи делают ряд теоретически и практически значимых выводов о том, как современная Россия видится американцам. Авторы пишут, что «нынешняя Россия для Америки – не просто *Другая*, но *Чужая* страна и ее интегральный образ – это образ *Чужака*. Со всеми вытекающими отсюда последствиями – политическими, экономическими, культурными, воздвигающими барьеры между Россией и всем западным миром» [Баталов, Журавлева, Хазинская 2009: 99].

Однако, как отмечают авторы, при всех «частичных попаданиях в цель» американские образы современной России дают о ней в целом неадекватное представление и звучат порой оскорбительно для тех ее граждан, которым небезразлично, что думают об их стране и проживающих в ней людях иностранцы.

В связи с этим исследователи предлагают ряд конкретных мер по улучшению американских образов России. Предлагается реализация «рассчитанной на десятилетия многоаспектной стратегии гуманизации российского общества», направленной на повышение реального статуса и авторитета личности, создание возможностей для раскрытия ее творческого потенциала.

Второй путь исправления сложившегося имиджа авторы видят в «самоимджировании», то есть в сознательном и целенаправленном выстраивании позитивного образа России и россиян. Высказывается точка зрения о том, что давая интервью известному зарубежному СМИ, «скорее всего, Дмитрий Медведев руководствовался соображениями имиджевой целесообразности» [Баталов, Журавлева, Хазинская 2009: 90].

Говоря о необходимости оперативно и систематически информировать американскую общественность о событиях, происходящих в России, о ее достижениях в тех или иных областях, авторы работы указывают на важность не просто рассказывать о происходящем, но объяснять его на понятном американцам языке. Причем имеется в виду не английский язык, а использование конкретных, близких им примеров и образов.

В заключение авторы еще раз делают акцент на чрезвычайной опасности, подстерегающей обе страны, да и весь мир, когда доминирующим образом восприятия России Америкой и Америки Россией становится образ *Врага*. Однако, отмечают

исследователи, не стоит забывать и о важности внутренней дифференцированности мира (социальной, политической, культурной, расово-этнической и пр.), имеющей глубокий позитивный исторический смысл, поскольку залогом жизнеспособности мира является единство в многообразии.

Представленный обзор научных публикаций отечественных и зарубежных ученых не является всеобъемлющим, но отражает общие тенденции в изучении внешнеполитического дискурса в рамках интердисциплинарного подхода, интегрирующего достижения когнитивной лингвистики и политологии. Метафоры внешнеполитического дискурса рассматриваются как способ создания и познания картины мира вообще и сферы международных отношений в частности. Внимание также уделяется прагматике метафорических высказываний, каузальной силе политической метафоры и влиянию метафор на образное восприятие государства как члена мирового сообщества и субъекта международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Баталов Э.Я. "Рычащий медведь" на "диком Востоке": Образы современной России в работах американских авторов. 1992-2007 / Ин-т США и Канады РАН. – М.: РОССПЭН, 2009. - 384 с.

Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны: автореф. дисс. на соискание степени канд. фил. наук. – Воронеж, 2006. - 23 с.

Скребцова Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus* 1(6). 2002.

Flanik M. W. *Metaphorical Framing and Foreign Policy*. – University of Toronto, 2008.

Lakoff G. *Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters*. – University of California at Berkeley, 1992.

© Белов Е.С., 2009